

социальной напряженности, его психологии, в лучшем случае оно высвечивает отношения субъекта исследуемого процесса к самому (так и не исследованному) процессу.

Примечания

- ¹ Психологический словарь. М., 1990. С. 467.
- ² Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М., 1994. С. 265.
- ³ Социологический словарь. Минск, 1991. С. 211.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Лурье С.В. Историческая этнология. Учебное пособие для вузов. М., 1998. С. 41.
- ⁶ Семенов Ю.И. Социально-исторические организмы, этносы, нации // Этнограф. обозрение. 1996. № 1. С. 3.
- ⁷ Социологический словарь. С. 4.
- ⁸ Социологическая служба «КП» // Комсомольская правда. 1994. 22 дек.
- ⁹ Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). С. 300.
- ¹⁰ Социологический словарь. С. 521.
- ¹¹ Овидий Насон // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1906. С. 90.
- ¹² К-ий. В горах Дагестана с 1842 по 1875 год. СПб., 1884. С. XVI.
- ¹³ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 80.
- ¹⁴ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Ч. 1. Гл. IV–XI // Русская старина. 1893. Июль. С. 92.
- ¹⁵ Юсупов М. Национальный интерес как предмет социологического исследования (по материалам ЧР). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1994.
- ¹⁶ Там же. С. 21.

М.Х.-М. Шахбиева

© 2000 г., ЭО, № 1

Г.У. Солдатова. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. 389 с.

Книгу Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» отличают монументальность объема, фундаментальность подхода, набор обязательных для академической монографии структурных элементов содержания, начиная от постановки проблемы и заканчивая основными выводами. Ей присущи стилистическая сдержанность, разветвленный понятийный аппарат и обширная историографическая часть.

Мне кажется, что данную работу следует отнести к числу научных событий 1998 г., причем не только потому, что она написана на «горячую» тему. Каждое отдельно взятое слово-понятие, вынесенное в заголовок, заранее «обрекает» книгу на внимание читающей публики. Но все вместе – «психология межэтнических отношений» – они составляют почти гремучую смесь, в которой соединились и острая актуальность, и социальный заказ, и политическая конъюнктура, и профессиональная престижность, и гражданская заинтересованность. Но данная тема таит в себе и немало опасностей. В их числе – проницаемость границ между подлинным исследованием проблемы и эксплуатацией темы, исследовательской беспристрастностью и ангажированностью, чувствами и разумом, которые неизбежно сталкиваются при изучении человеческих (межэтнических) отношений. Короче говоря, взяться за такое исследование – значит проявить немалую смелость. Но именно эта черта придает работе особую притягательность.

Исследование выполнено в русле отечественного этнопсихологического направления, которое в настоящее время представлено небольшим количеством работ и еще меньшим числом специалистов, что также усиливает интерес к нему.

Рецензируемая книга содержит три раздела, отражающие три уровня исследования. Первый раздел – теоретический, где изложены представления автора о теоретических основах исследования, определены его цели и задачи, описан понятийный аппарат. Базовые понятия, в связи с которыми автор излагает свои теоретико-методологические представления, – «этническая идентичность» и «этническая солидарность», «этническое самосознание», «этнические образы», «мотивационно-потребностный компонент» и «поведенческие установки».

Во втором разделе изложены принципы и методы эмпирического этнопсихологического исследования. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в работе используется около десятка оригинальных методов и методических приемов измерения уровня межэтнической напряженности, разработанных лично автором или при его участии.

В книге представлены ситуации межэтнической напряженности в различных российских республиках – в Татарстане, Туве, Якутии. Однако в центре исследования находится наиболее конфликтогенный регион – Северный Кавказ, в границах которого уже на протяжении нескольких лет полыхают вооруженные конфликты различных типов и где прогноз их урегулирования явно неблагоприятен. Изучению межэтнической напряженности на Северном Кавказе посвящен специальный (третий) раздел, где подробно анализируются результаты конкретных исследований отношений между народами Северного Кавказа как в современных условиях, так и в исторической ретроспекции.

Нет нужды кратко перечислять то, что написано более чем на 300 страницах. Книгу Г.У. Солдатовой отличают тщательность и неторопливая обстоятельность. Это особенно заметно на фоне потока малопродуманной, наспех написанной полупрофессиональной научно-гуманитарной литературы, в избытке появившейся в последние годы на близкие темы. Автор демонстрирует уважительное отношение к читателю. Эта (почти забытая ныне) уважительность проявляется во внятности как самой мысли, так и формы ее изложения, в открытости, предполагающей обсуждение тех трудностей, перед которыми оказывается исследователь столь сложной темы. Глубокое знание предмета не понаслышке, не по вторичным источникам или преимущественно по литературе, а во многих случаях благодаря информации, добытой лично в сложных экспедиционных условиях, делает излишней скороговорку, за которой можно спрятать недостаток знания, на которая не поможет решить научную проблему. Г.У. Солдатова делает читателя своим равноправным собеседником, донося до него сложность, неоднозначность как самого предмета исследования, так и спорность его восприятия в профессиональной среде.

Достижения зарубежной и отечественной психологической науки автор воспринимает как естественную, неотъемлемую составляющую теоретико-методологической и методической базы собственного исследования. В работе учтен новейший опыт мировой (англо- и русскоязычной) психологии. При этом автор далек от бесцельной демонстрации собственной эрудиции. Г.У. Солдатова органично использует накопленный багаж знаний, однако сохраняет самостоятельность суждений, не солидаризируется полностью даже с признанными авторитетами, оставляя, таким образом, место для собственного понимания природы изучаемых явлений. Вместе с тем автора отличает уважительное отношение к коллегам. В работе с признательностью, а нередко и с симпатией упомянуты все, кто так или иначе затрагивал эти или смежные темы. В результате список литературы, непосредственно использованной при написании работы, приближается к полутора тысячам наименований.

Довольно затруднительно определить, к какому направлению или школе относится данная работа. Правда, исследовательница указывает на то, что ей близко инструменталистское направление, которое смыкается с теми социально-психологическими теориями, где этничность трактуется как социальная терапия, психокультурный ресурс и культурный архетип (с. 43).

Важно учитывать и то обстоятельство, что работа носит междисциплинарный характер. Этническая психология в данном случае, без сомнения, главная сфера внимания. Однако исследовательское поле значительно шире. Оно включает в себя элементы истории, социологии, собственно этнологии и политологии. На этом основании автора можно отнести к числу маргиналов, стремящихся использовать преимущества своего положения и по возможности нейтрализовать неизбежные ограничения узко специализированного подхода.

Результативное взаимодействие этносоциологии и психологии выразилось, в частности, в определении выборки исследования. Известно, что психологи обычно предпочитают вести свои наблюдения за небольшими группами людей, численностью в несколько десятков (от 30 до 60) человек. Своеобразие и несомненное достоинство данной работы заключаются в том, что автор адаптировал специфические психологические приемы для использования в массовых этносоциологических опросах. Кроме того, результаты, полученные в ходе массовых опросов, вновь сопоставлялись с данными, полученными в традиционно малочисленных психологических исследованиях. Таким образом, эмпирическую основу исследования составили материалы социально-психологических и этносоциологических опросов, проведенных в различные годы в республиках РФ, в том числе и на Северном Кавказе, и охватили в общей сложности более 4600 чел.

Масштабы и теоретико-методические характеристики исследования позволяют говорить, во-первых, о его комплексности и даже системности, во-вторых, о репрезентативности полученных данных. Последнее является обязательным требованием к любой профессионально состоятельной научной работе, опирающейся на массовые данные. Однако, когда речь идет об анализе проблем, связанных с человеческими судьбами и даже жизнями, небрежность в использовании статистических данных опасна и недопустима. И автор отдает себе в этом отчет.

«Психология межэтнической напряженности» – произведение многослойное. В нем сочетаются знание реальности и работа кабинетного ученого, психоэмоциональная вовлеченность в тему и твердость в соблюдении принципа научной непредвзятости. Разбирая клубок противоречий между осетинами и ингушами, чеченцами и русскими, между титульными народами Северного Кавказа и русскими, автор обрекает себя на тяжкий и неблагодарный труд. Этническая интолерантность в ряде случаев обрела здесь столь острые формы, что всякий исследователь рискует быть непонятым любой из описываемых сторон, если он не встанет на ее защиту. Г.У. Солдатова, с моей точки зрения, нашла единственно верную линию поведения, выступив в роли непредвзятого исследователя, понимающего глубинные механизмы поведения участников конфликтов. Она искренне сочувствует людям, оказавшимся в зонах взаимного отчуждения, и избегает обвинительной риторики.

Книга лишена разоблачительного пафоса. В ней нет абсолютно правых и безусловно виноватых, нет нарочитой «игры на нервах», апелляции к состраданию. Но, к счастью, нет и другого – отчужденности и профессионального равнодушия, с которыми нередко сторонние аналитики наблюдают за событиями в горячих точках. Задача автора – с гуманистических позиций понять мотивы поведения конфликтующих сторон, раскрыть этнопсихологические аспекты отношений народов в условиях межэтнической напряженности и, наконец, найти пути разрешения конфликта и противостояния.

Монография Г.У. Солдатовой относится к числу книг, к которым полезно обращаться не один раз. Для специалистов, занимающихся смежными проблемами или соответствующими регионами, она может оказаться важным подспорьем в различных ситуациях. Мне, например, недавно пришлось проводить сравнительный анализ современных школьных учебников по истории ряда республик РФ, в том числе и северокавказских. Школьная история Северного Кавказа в мировоззренческом и концептуальном отношении оказалась разительно отличной от остальных, европейских версий. Первое, что обращает на себя внимание, это почти полное отсутствие перестроечного радикализма в переоценке событий советского прошлого. То, на чем строилась идеология нового гуманитарного знания, то, что оказывало взрывное действие на массовое сознание, на чем концентрировались значительные интеллектуальные силы и что становилось отправной точкой для дальнейшего пересмотра собственной истории, на Северном Кавказе не представляет, как можно предполагать, ценности преобразующего начала и не побуждает к пересмотру устоявшихся представлений о мире.

История кавказских народов в интерпретации современных интеллектуалов выглядит как исключительно героическая, насыщенная воинской доблестью и славой. Исторической мысли свойственны сопротивление переменам, устремленность в прошлое, слабый интерес к настоящему, отсутствие желания анализировать причины современных радикальных социально-политических перемен. Апелляция к авторитетам, полный отказ от критики культа личности Сталина (на чем построена раннеперестроечная историческая мысль в Европейском регионе) – все это делает очевидным вывод о существенной несхожести культурно-региональной традиции исторического сознания.

Поиск причин и оснований для такого рода различий можно вести по многим направлениям. Одним из интересных и продуктивных мне показалось сопоставление исторической картины мира, выявленной в ходе анализа учебной литературы и некоторых психологических универсалий кавказских народов, представленных в монографии Г.У. Солдатовой в качестве широких экспликаций (с. 223–244). По мнению автора, северокавказские народы правомерно рассматривать как единую систему этнических групп, культуры которых характеризуются скорее как радикальные, андроцентричные, замкнутые, регламентированные, коллективистские и традиционные. В них заложены перцептивные схемы и поведенческие модели, определяющие особенности восприятия и взаимодействия в повседневной жизни (с. 225). Но анализ исторической литературы позволяет добавить: в интеллектуальной деятельности, в частности в сфере гуманитарного знания, психологические универсалии также до известной степени диктуют свои правила поведения.

В монографии анализу подвергаются материи высокой степени сложности, трудноуловимые даже с помощью широкого набора индикаторов, противоречивые в своих проявлениях. Понятно, что в такой ситуации однозначность выводов была бы губительна. К счастью, автор учитывает фактор изменчивости, противоречивости, пульсации этнопсихологических явлений и процессов. Коллизия устойчивости и изменчивости, пределы адаптивности и сопротивляемости северокавказских культур кажется одной из главных составляющих этнопсихологического портрета исследуемых народов. Место обычая кровной мести в системе, современных межличностных отношений, роль традиционных социальных институтов в настоящее время, значение семейно-родовых и клановых связей, феномен традиционной «кавказской воинственности», проблема жесткой дифференциации половых ролей при очевидном демонстративном доминировании мужчин – эти, а также многие другие вопросы, подвергнутые анализу, свидетельствуют о

том, что автор затрагивает сущностные психологические и культурные характеристики народов, оказавшихся в зоне межэтнического противостояния.

Правда, в некоторых случаях автор сам оказывается не свободным от определенных стереотипов. Например, утверждение, согласно которому «женщины в силу своей природы всегда на стороне мира» (с. 239), как мне кажется, не столько раскрывает подлинную роль женщин в конфликтах, сколько упрощает ее. Да, *конечно, воевать* – это не женское дело. Но рожать сыновей и посылать их на войну, встречать их живыми или хоронить – это также обязанность женщины-матери. В этой связи подлинный вклад женщины Кавказа в формирование культуры войны едва ли оценен автором в должной мере.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект исследования. Г.У. Солдатова предлагает сложный методический аппарат для изучения феномена межэтнической напряженности и этнической идентичности. Это и диагностический тест отношения, направленный на исследование эмоционально-оценочного компонента этнического образа, и методика, нацеленная на выявление типов этнической идентичности, а также степени этнической толерантности, и опросник, фиксирующий этноаффилиативные тенденции, и приемы исследования статуса этничности в структуре социальной идентичности. Иными словами, фиксация этнопсихологических характеристик и состояний осуществляется с помощью современных усовершенствованных методик. Характер и количественное выражение качественных психологических состояний и образов не только описаны в шкалах «наличие-отсутствие», «сильно-слабо», «высокий-низкий», но также исчислены коэффициенты выраженности и определены структурные позиции анализируемых индикаторов. Таким образом, социально-психологическая составляющая внутри- и межгруппового взаимодействия в зонах межэтнической напряженности рассматривается с помощью понятийного аппарата и методических приемов, адекватных степени сложности проблемы. При знакомстве с темой и способами ее интерпретации возникает вопрос о системе детерминации психологических особенностей сознания и поведения в условиях напряженности. Объяснением, анализом проблемы по сути дела пронизана вся книга.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что в описании и изучении феномена собственно психологических характеристик, с одной стороны, и в поиске причинно-следственных связей – с другой, Г.У. Солдатова исходит из разных инструментально-методических оснований. В первом случае она прибегает к многочисленным замерам, многоуровневым классификациям, исчислению коэффициентов корреляционных связей и определению групповых идентификационных матриц (с. 55–60). Объясняющие же модели значительно уступают по строгости доказательств, носят более описательный характер. Здесь автор опирается в большей степени на здравый смысл, общие профессиональные знания и интуицию. Таким образом, исследователь сосредоточивает свое внимание главным образом на психологических детерминантах межэтнической напряженности, но не на факторах, обуславливающих эти психологические детерминанты.

В результате весьма важная, относительно самостоятельная, обладающая собственной инерцией и собственными закономерностями движения и развития психологическая компонента приобретает до известной степени самодостаточный и отчасти гипертрофированный характер. В работе недостает корреляционного, факторного анализа связи психологических характеристик с базовыми социальными показателями контактирующих и конфликтующих групп. Автор посвящает совсем немного страниц социально-демографическим особенностям, оказывающим влияние на типы этнического самосознания (с. 112–114). Таким образом, вероятностная связь психологических этносоциальных факторов осталась на периферии анализа. Психологический мир в интерпретации автора многогранен, многослоен, тогда как социальный более однообразен и прост. Главная социально-этническая дихотомия, представленная в книге, – это титульные народы и русские, а также мужчины и женщины. Думается, что вариации психологических реакций и установок в зависимости от различных (социально-демографических, поселенческих, социально-экологических) факторов в действительности более разнообразны. Наконец, существенным представляется вопрос о том, какие группы населения, в том числе внутри этносов (кроме беженцев, которые, к сожалению, чаще всего выступают в роли «козлов отпущения») несут в себе тенденции нагнетания напряженности или, наоборот, межэтнического примирения.

Книга Г.У. Солдатовой добротна, профессионально честна, гуманистична и полна искренней заинтересованности в позитивном взаимоприемлемом решении межэтнических проблем. Автор обращает внимание на прикладную значимость результатов исследования, предлагает конкретную психологическую программу как часть комплексной работы по развитию интеграционных тенденций в российском обществе. Однако усилия психологов могут дать плоды только при наличии политической воли и при участии самых широких групп населения в миротворческом процессе.

Т.С. Гузенкова